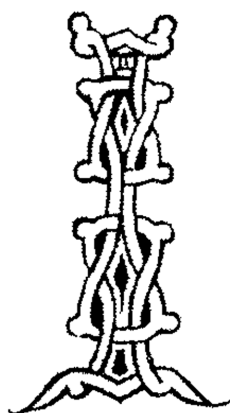

**СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОГРАФИИ**

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ

ВЫПУСК 2

Сборник статей по материалам конференции
к 300-летию Библиотеки Российской академии наук
21–24 октября 2014 г.

Санкт-Петербург
2016

ББК 63.2
С 56

Редакционная коллегия:

*Н.Ю. Бубнов, И.А. Вознесенская, В.А. Клишева,
М.В. Корогодина, Ф.В. Панченко, В.Г. Подковырова*

Ответственный редактор

И.М. Беляева

Составитель

М.В. Корогодина

С 56 **Современные проблемы археографии.** Вып. 2 : Сб. ст. по материалам конфер. к 300-летию Библиотеки Российской академии наук 21–24 окт. 2014 г. / сост. М.В. Корогодина. – СПб. : БАН, 2016. – 509 с. : ил.

В сборнике представлены статьи, написанные по материалам юбилейной конференции, проходившей в Библиотеке Российской академии наук в 2014 г. В сборнике рассматривается широкий спектр вопросов, связанных с изучением рукописных и редких книг: славянских, греческих и европейских XI–XX веков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя	8
----------------------	---

Рукописи и ученые

Бубнов Н.Ю., Беляева И.М. Рукописный отдел: основные направления научной работы	11
Фонкич Б.Л. Начальный период формирования коллекции греческих рукописей Библиотеки Академии наук	24
Поздеева И.В. Археография в Государеве и Государственном московском университете	38
Курышева М.А. Мстислав Антонинович Шангин – сотрудник Библиотеки Академии наук	53
Вознесенская И.А. Всеволод Измайлович Срезневский: материалы к библиографии	65

Описание рукописей и методы исследования

Добрынина Э.Н., Морозова Е.И. Кодикология и методы реставрации переплетов (Миня на август, РГАДА, ф. 381, оп. 1, № 125 и Кормчая, ГИМ, Син. 132)	77
Паскаль А.Д. Изучение гаплогграфии как один из методов локализации средневековой рукописной книги (по материалам славяно-молдавской книжности XV–XVI вв.)	94
Белякова Е.В. К проблеме каталогизации греческих и славянских церковно-правовых рукописей	111
Давыдова С.А. Итоги и перспективы изучения Сводного патерика	124
Григорьева В.Ю. К вопросу об атрибуции киноварных помет в певческих рукописях XVII века	131
Клишева В.А. Старообрядческие рукописи в фондах Отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук: перспективы изучения	151

Книжные собрания и реконструкция библиотек

Белова Л.Б. Иеромонах Никодим – иконописец Антониево-Сийского монастыря	159
Башнин Н.В. Фрагмент синодика Дионисиево-Глушицкого монастыря конца XVII – начала XVIII века из НИОР БАН	166

Иванов В.И. Состав и особенности комплектования библиотеки Черноморской Екатерино-Лебяжской пустыни (конец XVIII – середина XIX века.)	178
Ефимова Н.А. Автографы Тихона Задонского в собрании Археографической комиссии БАН.....	186
Юдин А.А. Записи на старопечатных книгах Кемеровского собрания ГПНТБ СО РАН.....	193

Изучение рукописной традиции средневековых памятников

Баранкова Г.С. Статьи Изборника Святослава 1073 г. в древне- русских сборниках	203
Пузина М.А. Новые греческие параллели к стихирам славянского Минейного стихираря XII в.	216
Иванова Кл. Рукопись Каликин 146 и ее место среди новоизводных Панигириков (Торжественников)	222
Духанина А.В. Об одном примере редактирования Жития Сергия Радонежского	235
Жуков А.Е. Свод 1560 г. и русское летописание рубежа XV–XVI веков.....	245
Казанцева Т.Г. К проблеме датировки и локализации певческого сборника из «Собственного собрания старопечатных и рукописных книг С.Ф. Севастьянова».....	254
Чурина И.О. Служба преподобному Трифону Вятскому: к вопросу об истории текста	265

Изучение старопечатных книг и сочинений Нового времени

Остапчук Е. (Ostapczuk Jerzy) Евангелие от Матфея в старопечатных изданиях Четвероевангелий: предварительные замечания.....	277
Макеева И.И. Московские и киевские старопечатные издания «Николина жития».....	289
Бережная Н.А. О латинском переводе Степенной книги для Академии наук	307
Вознесенская И.А. История петровского времени в контексте рукописной традиции	322
Романова А.А. Некоторые наблюдения над патериками и перечнями святых XVIII–XIX веков	329
Рашева И. Рассказ Паисия Хилендарского о христианизации Болгарии и русская историография.....	334

Миниатюры и гравюры в рукописных книгах

Смирнова Э.С. Иллюстрации к Библейским песням в Симоновской Псалтири (ГИМ, Хлуд. 3, вторая четверть XIV в.) в контексте византийской традиции	345
Уханова Е.В. К вопросу о датировке и происхождении Симоновской Псалтири	363

Братчикова Е.К. Лицевые редакции Жития Дмитрия Угличского	389
Мишина Е.А. Техника плоской печати в русских рукописях XVII века	404
Плаксына Н.Е. Организация иконописного дела среди старообрядцев-странников (по материалам БАН)	421
Подковырова В.Г. Лицевой Седмилетковый апокалипсис (БАН, 25.4.11). К вопросу о принципах создания циклов миниатюр в рукописных памятниках XIX – начала XX века	435

История старообрядчества

Белянкин Ю.С. Эсхатологическое сочинение «Бездна» из сборника с автографами пустозерских узников: проблемы изучения	457
Юхименко Е.М. Два тома Выговских Четиих Миней из собрания БАН в контексте истории уникального книжного свода начала XVIII в.	467
Корогодина М.В. «Правила Иппонского собора» и старообрядческие подделки начала XIX века	476
Список сокращений	487
Сведения об авторах	489

М.В. Корогодина

«ПРАВИЛА ИППОНСКОГО СОБОРА» И СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ПОДДЕЛКИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Первое упоминание о «Правилах Иппонского собора», неизвестном памятнике канонического права, принадлежит Ю.Д. Рыкову, встретившему ссылку на постановления Иппонского собора в автобиографии некоего Петра Юродивого, основные события которой приходятся на 1860-е гг. [1]. Бывший школьный учитель, Петр, пострадав по доносу и разочаровавшись в господствующей церкви, через самокрещение перешел в старую веру. Дав обет молчания, но не отказавшись от письменной речи, Петр подробно описал свои злоключения и причины перехода в старую веру; одним из оснований для самокрещения стали прочитанные им «Правила Иппонского собора». Приведя полный текст «Правил», Петр Юродивый в качестве доказательства их авторитетности выписал также «выходную запись». Из нее следовало, что «Правила» были переведены на славянский язык иноком Кириллом на Афоне в 1621 г., а в 1652 г. напечатаны на Московском печатном дворе тиражом 20 экземпляров.

Эту интереснейшую запись, упоминавшую неизвестный ранее перевод и печатное издание, Ю.Д. Рыков опубликовал в своем исследовании [2]. Дальнейшие поиски, предпринятые ученым, позволили обнаружить еще один список и несколько упоминаний «Правил Иппонского собора» в рукописях конца XIX – середины XX в., где также воспроизводилась запись из этого загадочного издания. К этому перечню можно добавить список конца XIX – начала XX в., содержащий текст «Правил Иппонского собора» [3]. Однако на основании поздних списков Ю.Д. Рыкову не удалось выяснить, представляли ли собой «Правила Иппонского собора» печатное издание или рукопись; являлись ли аутентичными или фальсифицированными.

Между тем в Отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук (БАН) хранится рукописная книга, которая позволяет прояснить историю возникновения этого текста. Рукопись (БАН. Собр. Доброхотова № 6, написанная на 189 листах, 8°), попала в Библиотеку в составе собрания епископа Олонецкого Павла Доброхотова и, возможно, была приобретена им в Олонецкой епархии. По водяным знакам рукопись датируется 1804 – началом 1810-х гг.

[4]. Владельческие записи указывают на то, что уже во второй половине 1820-х гг. рукопись принадлежала семье Пыстиных [5].

Рукопись содержит копии разновременных писем, записей, описаний прений о вере, которые как мозаика складываются в увлекательное, а иногда детективное повествование. Многолетний конфликт между старообрядцами разных согласий, порой доходивший до применения физической силы, предстает перед нами весьма запутанным. Если с доверием относиться к сообщаемым рукописью фактам, то складывается следующая история.

В 1790 г. ярославец Иван Тимофеевич Собласков, бывший проездом в «Василь городе», по поручению Павла Филипповича Кружукова пытался разыскать печатный экземпляр «Правил Иппонского собора». Однако находившийся там экземпляр сгорел; поиски в иных городах также не дали результата. Лишь в Москве Собласкову удалось найти нужную тетрадь и списать ее слово в слово; вскоре после этого последний печатный экземпляр был куплен «иноземским» купцом. Все это Иван Собласков изложил в письме Павлу Филипповичу, сопроводив его копией «Правил Иппонского собора». Письмо представляет собой завязку последующей истории, объясняя, что еще в недавнем прошлом существовало два печатных экземпляра «Правил», но один из них сгорел, а второй увезен заморским купцом – то есть также утрачен безвозвратно. Это обосновывает отсутствие печатного экземпляра Правил. Зато снятая Иваном Собласковым копия, как следует из письма, воспроизводит утраченное издание строка в строку, включая выходные данные, в чем окончательно уверить нас должно свидетельство Острожского купца Григория Спиридоновича Крискидонкина, собственноручно заверившего снятую Иваном Собласковым копию. Рукописная копия, как следует из записи, предшествующей «Правилам Иппонского собора», ничем не отличается от печатной книги, воспроизводя ее текст строка в строку, буква в букву: «По печати сей лист 1, по сему же и прочая разумевай» [6].

Итак, благодаря трудам Ивана Собласкова в руках Павла Филипповича Кружукова оказалась копия «Правил Иппонского собора», построенных по образцу соборных постановлений и насчитывающих 50 правил. Согласно рукописи, Иппонский собор постановил, что в случае нужды, при отсутствии священников и епископов, мирянин или монах может исповедовать, крестить или венчать людей, в том числе перекрещивать раскольников или крестить самого себя; перешедшие в правую веру из ереси священники или епископы не могут сохранять священство. Правила сопровождаются своеобразным послесловием – «рассуждением» Московского патриарха Иосифа, имевшим едва ли не большее значение для последующей истории, чем сами правила. Послесловие представляет собой пророчество патриарха Иосифа, в котором говорится, что в скором времени на Руси не станет истинного священства, и по нужде, согласно постановлениям Иппонского собора, мирянам самим придется совершать необходимые таинства: крещение, венчание и покаяние. Отныне сохранившим чистоту веры и двуперстное знамение, пишет патриарх Иосиф, следует более всего полагаться на постановления Иппонского собора. Следом

приведена уже знакомая нам «выходная запись», рассказывающая о переводе «Правил» в 1621 г. на Афоне и их издании тиражом 20 экземпляров в Москве в 1652 г.

В течение десяти лет Павел Филиппович (крестьянин, занимавшийся торговлей и живший в «Афанасийском городке») бережно хранил бесценные «Правила Иппонского собора». Однако в 1800 г. он затеял переписку со своим давним знакомым и тоже торговцем Кириком Якимовичем. Павел Филиппович придерживался мнения, что в особых случаях, за отсутствием священников, миряне или монахи могут совершать крещение через погружение, бракосочетание через обещание брачующихся, а также исповедовать. Отсутствие священства ведет к безвозвратной утрате других таинств: миропомазания, хиротонии, причащения и елеопомазания. Отвергая господствующую церковь как еретическую, Павел Филиппович полагал необходимость молитвы за царя. Иную точку зрения отстаивал Кирик Якимович, который считал, что без священства нет церкви, и следует принимать священников, рукоположенных еретиками, если они раскаялись в своих заблуждениях. Такое сохранение священства позволяет сохранить все таинства, кроме елеопомазания.

Спорщики, принадлежавшие к разным толкам, не смогли договориться; надеясь убедить в своей правоте оппонента, Павел Филиппович послал ему драгоценную копию «Правил Иппонского собора». Получив в ответ целый ряд возражений, Павел Филиппович, не полагаясь больше на собственный дар слова, обратился за помощью к старцам. Возможно, одной из причин обращения к старцам была недостаточная грамотность Павла Филипповича, письма за которого писал его помощник. Первая попытка Павла Филипповича найти поддержку оказалась неудачной. По совету Кирика Якимовича, сначала Павел Филиппович переслал затеявшуюся переписку старцу Дионисию Петровичу. Тот, однако, отказался участвовать в споре, полагая в равной степени неправыми обе стороны, поскольку сам не принимал ни молитвы за царя, ни браков. Тогда Павел Филиппович отослал бумаги в Верхкамышев «философу» Льву Анфиногеновичу Воеводкину. Последний не только с удовольствием сам вступил в полемику, но и привлек своего брата Луку. Пока братья трудились, составляя обширный ответ «кривовернику» Кирику, Павел Филиппович показал письма жителю того же «Афанасийского городка» Иакинфу Емельяновичу Кантогорову, который также взялся написать ответ Кирику Якимовичу. Собрannую в результате «обличительную тетрадь» торжествующий Павел Филиппович выслал своему противнику.

Не желавший уступать Кирик Якимович, в свою очередь, ответил на пришедшие письма, и спор, вовлекая все новых участников, разгорелся с новой силой. Спорщики подбирали новые аргументы, ссылаясь то на сочинения святых отцов, то на авторитет святых обителей. Наряду с такими отцами церкви, как Кирилл Иерусалимский, Афанасий Великий, Кирилл Александрийский и другими, в послании «премудрого» Льва Анфиногеновича мелькают ссылки на сочинения, принадлежавшие неизвестным авторам: Спиридону Костромскому, блаженному Гавриилу, иеромонаху Азарию. Перечисленные авторы

лишь вскользь упоминаются верхкамышевским философом; основные же аргументы он черпает из «Правил Иппонского собора» и из книги патриарха Константинопольского Фомы, насчитывающей, по меньшей мере, 48 глав. Обширные цитаты из неизвестного сочинения Константинопольского архипастыря, как догадывался Лев Анфиногенович, должны были повлечь сомнения в их подлинности; поэтому автор нашел нужным объяснить появление книги, о которой никто не слышал: «В книзе Фомы патр. Царяграда, не сушей убо на нашем словенском языке, виденней же у купца Александрийскаго Амоса Иезекиилевича москвитинном Гурием Иоанновичем, иже по-словенски нужные от сея книги вещи преписа в лето 7270 мая 15-м дня, его же саморучное писание в руках своих аз, грешный, имам» [7]. Так, со слов верхкамышевского книжника, мы узнаем о еще одном переводе с греческого языка, подготовленном в 1762 г.

Почти три года, с марта 1800 г. по январь 1803 г., длились прения, причем стороны общались исключительно через письма. Оборвался спор лишь после того, как Кирик, оказавшийся в «Афанасийском городке», не в силах совладать с собой, в гневе разорвал все письма вместе с «Правилами Иппонского собора», а обрывки рассовал по нескольким кулям с мукой.

Однако бесценные послания Льва Анфиногеновича и «Правил Иппонского собора», доказывающие неправоту Кирика, казалось, безвозвратно утраченные, уцелели. По счастливой случайности несколько обрывков было найдено неким Тимофеем в мучных кулях в январе 1807 г. Это было тем удачнее, что спустя несколько дней Тимофею довелось встретиться с иноками «Вырьинского» монастыря Венедиктом, Ефросином и Иосафом – достойными последователями взглядов Кирика Якимовича. Прежние герои, всего четыре года назад бывшие единственными действующими лицами этой истории, исчезли бесследно, и на смену им пришли новые лица. Новый виток полемики вовлек уже Тимофея и Венедикта. Подстегиваемый желанием уличить соперника в неправоте, Тимофей предпринял новые поиски отрывков «Правил Иппонского собора» и посланий их апологетов. На протяжении нескольких месяцев Тимофей находил все новые и новые фрагменты переписки, изодранные и измазанные размокшей мукой, тщательно их собирал, отчищал, склеивал и переписывал. Первые листы Тимофей нашел 1 января, последние – 9 сентября 1807 г. Таким образом, Тимофею удалось реконструировать значительную часть переписки. Переписывая разодранные тетради, он оставлял пустые строки для утерянных фрагментов и скрупулезно фиксировал, на сколько клочков было разорвано каждое послание и какого числа он нашел обрывки. Впрочем, опять-таки по счастливой случайности, не разысканные фрагменты не нарушали целостности повествования – все важное сохранилось, и лакуны в тексте не мешали изложению аргументов. Таким образом, вся предыстория – находка «Правил Иппонского собора» в 1790 г. и последующие споры – постепенно раскрывается в ходе полемики между Тимофеем и Венедиктом.

Между тем насельники «Вырьинской» обители, Венедикт и его товарищи, первоначально весьма легкомысленно отнеслись к известию о необычной

находке. «Он же ниже слышати, ниже видети хотяше, но басни быти глаголаше вся: “И в коем, – рече, – кулю обрестися, ржаном или пшеничном?” – яки бесяся и смеяся долгим грохотанием», – так Венедикт воспринял сообщение о находке в кулях с мукой обрывков «Правил Иппонского собора» [8]. Однако после того, как Тимофей предъявил находку, Венедикт растерялся и был посрамлен. Внезапно объявившаяся копия Правил столь авторитетного собора и мудрые послания Льва Анфиногеновича явились для противной стороны полной неожиданностью, так что Венедикт, не в силах сдержаться, попрекнул своего предшественника Кирика, столь неумело уничтожившего «Правила Иппонского собора», и воскликнул в сердцах: «Се, не возмог назад отслати обличительная их словеса, но в кули спихал <...> Аще бы аз – во огонь метнул или в воду!» [9]. Впрочем, Тимофею удалось предотвратить новую беду и не дать испортить драгоценные тетради Венедикту, пытавшемуся забрать их себе или «подправить». Прения между Тимофеем и Венедиктом с товарищами продолжались долго – Венедикт, посрамленный, уходил, но затем вновь возвращался, и спор продолжался. В какой-то момент Венедикт, ушедший «на Колву», был там пойман властями и посажен в тюрьму, но потом явился к Тимофею снова. Сам Тимофей, названный лишь в колонтитуле к повествованию о прениях с Венедиктом, все время находится вне поля зрения читателя. Имя его не упоминается, и если противная сторона определена четко: Венедикт и его товарищи, то место героя и главного действующего лица другой стороны занимает неопределенное «мы».

Конец истории неясен, точнее – он отсутствует. Повествование заканчивается очередным витком полемических речей, и чем завершается история, какова судьба участников спора, остается неизвестным. Зато проясняется судьба «Правил Иппонского собора». Прения между Тимофеем и Венедиктом, согласно повествованию, происходили в 1807 г., но последнее свидетельство о копии «Правил Иппонского собора» относится к марту 1812 г., когда некий Филимон (еще один новый владелец «Правил»!) показал сборник, содержащий «Правила» и описание всех последующих событий, нескольким самым авторитетным наставникам: казанскому настоятелю Ивану Золотареву и московскому купцу Лаврентию Ивановичу, но получил весьма суровую ответь: «Ложны правила, – приказали мне снести в поварню во огонь. – Ниже мы всегда в Москве живем, а Правил не видали Иппонских» [10]. Оба учителя, упоминаемые в рукописи, хорошо известны: казанский купец Иван Тихонович Золотарев был весьма авторитетным наставником, много трудившимся на благо казанской федосеевской общины в начале XIX в. [11]; московский купец Лаврентий Иванович Осипов (1766–1825) был наставником федосеевской общины при Преображенском кладбище [12]. Оценка новоявленных Правил, данная наставниками, не оставляет сомнений: «Жениться захотели, да новы правила написали» [13]. Такая оценка тем более интересна, что один из наставников, Л.И. Осипов, возглавил движение «брачных» среди московских федосеевцев, и отказ признать сомнительные «Правила Иппонского собора», свидетельствующие в пользу его собственной точки зрения, говорит о несо-

мненном стремлении наставника к истине, а не к выгоде. Однако новый владелец, Филимон, не пожелал так легко расстаться с «Правилами». С нотками обиды Филимон рассказывает о том, что старцы презрели как подлинную копию иосифовского издания, так и собственноручно написанные послания сибирских отцов.

* * *

Драгоценный сборник не попал в печь. Можно с уверенностью утверждать, что именно он стал оригиналом, с которого снимались последующие копии «Правил», известные по жизнеописанию Петра Юродивого и более поздним рукописям. В этом нас убеждает то, что в «выходной записи» мнимого издания, воспроизведенной в жизнеописании Петра Юродивого, указано число листов издания – 16. В иных копиях «выходной записи» количество листов не указано; зато оно совпадает с числом листов, которое «Правила Иппонского собора» занимают в рукописи БАН. Эта особенность, наряду с ранней датировкой сборника, хранящегося в БАН, говорит о том, что именно он является той рукописью, в которой впервые собрана данная история.

Выше мы кратко описали события, изложенные в рукописи; однако очевидно, что далеко не всем ее сообщениям можно доверять. Рукопись пестрит именами, датами, названиями населенных пунктов, однако при всем изобилии фактов чрезвычайно трудно выяснить, кто были ее герои и где происходили события.

Основные взгляды двух спорящих сторон, обрисованные в письмах Льва Анфиногеновича и в прениях между Тимофеем и Венедиктом, одни и те же. Венедикт твердо держится взглядов беглопоповцев; Тимофей принадлежит к брачным беспоповцам. В одном из посланий, адресованных Кирику Якимовичу, автор-беспопoveц настаивает на широком распространении своей веры, описывая ее следующими словами: «Наше православное согласие Сионския веры или в сей точию стране быть нам речете, солгатеся имате – не в Сибирстей бо и нагорней стране, еже Волги низу, но и в самех трех градах столечествующих глаголю, и в Великом Новеграде обрящете наше благочестие» [14]. Однако попытки точнее определить толк, которому принадлежала та или иная сторона, а главное – место их обитания, наталкиваются на неожиданные препятствия. Чуть ли не на каждом листе рукописи появляются новые имена и названия населенных мест, но почти все они представляют загадку.

Наиболее подробно описываются сторонники подлинности «Правил Иппонского собора». Множество топонимов предстает перед нами с первых же строк истории: в 1790 г. главные поиски «Правил» велись в «Василь городе», хотя найти их удалось только в Москве. Главный герой и зачинатель спора, Павел Кружуков, обитает в «Афанасийском городке», а его корреспондент, «философ» Лев Анфиногенович – в «Верхкамышеве». Место обитания главного оппонента первоначального спора, «кривоверника» Кирика, с которым остальные герои то обмениваются письмами, то встречаются лично, остается неопределенным. Таким образом, упоминаемые населенные пункты, при

всей обыденности их наименований, никак не могут помочь определить, где же происходили описываемые события. Немало было в России деревень Васильевок и Афанасьевок, немало и Камышовок, Верхних и Нижних; однако ни одного «Верхкамышева» в списках населенных мест Российской империи обнаружить не удастся.

Единственным указанием на несомненно существовавший населенный пункт в первой части повествования является упоминание Обонежского Юрьегорского монастыря, старцы которого, как выясняется, близки по своим взглядам к беспоповцам Павлу Кружукву и Льву Анфиногеновичу, хотя различия не позволяют им объединиться. Православный Троицкий Юрьегорский монастырь, расположенный на берегу Монастырского озера, был основан преп. Диодором в первой четверти XVII в. [15]. Монастырь находился поблизости от Онежского озера, в самых глухих местах, избранных старообрядцами для поселений в XVIII–XIX вв. С 1764 г. монастырь превратился в обычный приход [16]; в 1803 г. была построена каменная Троицкая церковь. На чертежах середины XIX в. изображен целый ряд построек, окружавших храм, свидетельствующих о продолжении церковной жизни в этих местах в первой половине XIX в. [17]. **О сохранении православного прихода свидетельствует обнаруженное А.В. Пигиным письмо местного священника, датированное 1815 г. [18].** Однако в этих местах, густо населенных старообрядцами, в конце XVIII – начале XIX в. действовал не только православный приход. О существовании достаточно крупной старообрядческой Юрьегорской пустыни говорит найденная А.В. Пигиным книга сбора подаяний начала XIX в. [19]; хотя, по мнению исследователя, маловероятно, чтобы старообрядческая пустынь и православный приход сосуществовали на Юрьевой горе [20]. Многочисленные сведения о староверческих поселениях, находившихся в первой половине XVIII в. **на землях православного Юрьегорского монастыря, собраны А.Н. Старицыным.** По мнению автора, старообрядческая пустынь, фигурирующая в найденной А.В. Пигиным книге, располагалась в Янгоре, на бывших землях Юрьегорского монастыря [21].

Несмотря на неясность вопроса о местонахождении Юрьегорского монастыря и численности его насельников, очевидно, что подобная обитель существовала в Обонежье – местах, тяготевших к Выговской пустыни. В интересующей нас рукописи, описывающей судьбу «Правил Иппонского собора», сообщение о Юрьегорской пустыни появляется не только в первой легендарной части повествования, но и во второй, где упоминаются «ответы Юрьегорских отцев», отождествляемые с «Алонскими ответами». В последних можно видеть Олонецкие ответы – знаменитое сочинение выговских отцов. Таким образом, и это упоминание указывает на Обонежье как на регион, с которым тесно связана история «Правил Иппонского собора».

Собственно говоря, Юрьегорская обитель является единственной, хоть и весьма слабой ниточкой, связывающей повествование о судьбе «Правил Иппонского собора» с действительными старообрядческими поселениями (по крайней мере, известными в настоящее время). Во второй части повествова-

ния вопрос о месте действия стоит не менее остро. По всей видимости, основное действие должно происходить в «Афанасийском городке», где жил Павел Кружук – владелец бесценных «Правил», и где обличавшие беглоповцев тетради были разорваны и спрятаны в кулях. Однако во второй части место, в котором происходят события, не называется, заставляя нас гадать, по-прежнему ли главные герои находятся в «Афанасийском городке»? Напротив, одним из главных топонимов становится «Вырьинская обитель», откуда приходит Венедикт и его товарищи, насельники этой обители. И снова на нашу долю остаются одни сомнения: действительно ли существовала подобная обитель? Не является ли она вымыслом автора? На северо-западе России известен целый ряд населенных мест, названия которых образованы от слова «вырь» – овраг; однако старообрядческого «Вырьинского» монастыря среди них нет.

Что же надежно в этом повествовании? Вся история построена вокруг «Правил Иппонского собора» – неизвестного ранее канонического сочинения. Иппонский (или Гиппонский) собор, в проведении которого принимал участие блаженный Августин, состоялся в 393 г. в Северной Африке и стал одним из ряда африканских соборов, предшествующих Карфагенскому собору 411 г. Собственных постановлений Иппонского собора неизвестно; принятые на нем решения, наравне с постановлениями других поместных африканских соборов, были включены в правила Карфагенского собора. Именно из правил Карфагенского собора, входивших в Кормчую книгу и сохранивших упоминания об Иппонском соборе, русскому читателю было известно об африканском соборе, состоявшемся в IV в. Сборник, хранящийся в БАН, открывается выписками из печатной Кормчей, содержащими постановления Карфагенского собора, в которых упоминается Иппонский собор. Очевидно, именно эти краткие упоминания действительно состоявшегося собора, собственных постановлений которого не было известно, побудили ревнителей веры «восстановить» утраченные правила.

Таким образом, несомненным вымыслом является существование написанных на греческом языке «Правил Иппонского собора», их перевод в 1621 г. на Афоне и издание на Московском печатном дворе в 1652 г., включая послесловие патриарха Иосифа. Вымыслом мы должны признать и сообщение о другом переводе с греческого языка, якобы подготовленном в 1762 г. и содержащем сочинения патриарха Константинопольского Фомы. Однако можно полагать, что выдуманы были не только книги. Очевидно, что вся первоначальная история с находкой печатного издания (никогда не существовавшего!) в Москве в 1790 г., представленная в адресованном Павлу Филипповичу письме, является вымышленной. То же впечатление оставляют и дальнейшие события, относящиеся к 1800–1803 гг. Об этом свидетельствуют предельно простые и в то же время небывалые названия населенных пунктов: «Васильев» и «Афанасийский» города, «Верхкамышев». Настораживает и обилие действующих лиц, характерное для первой части, в которой что ни страница – то новый герой. Многие из них появляются только для того, чтобы убедить читателя в правдоподобности событий, и затем бесследно исчезают. Наконец, само за-

вершение первой части истории, служащее завязкой последующих событий, выглядит невероятным: пролежав четыре года в кулях с мукой, драгоценные отрывки были найдены, склеены и переписаны.

Все это заставляет нас предполагать, что вся предыстория событий 1807 г. является вымышленной. Действительно, повествование о произошедшем в 1807 г. разительно отличается от предыдущего рассказа. Здесь мы уже не видим такого обилия действующих лиц, и все события укладываются в несколько встреч на протяжении полугода, а не трех с половиной лет, как в рассказе о переписке, затеянной Павлом Филипповичем. Населенный пункт, в котором обитает Тимофей, служащий основным местом действия, не определен, но зато и не выдуман. Иные топонимы, упоминаемые во второй части, являются реально существовавшими местами. Учитывая упоминания Обонежской Юрьегорской пустыни и расположение топонимов, название которых произведено от слова «вырь» (Выра, Вырица), описываемые события следует отнести к северо-западному региону. Вероятно, весь «роман в письмах», повествующий о событиях 1790–1803 гг. (включая «Правила Иппонского собора»), был подготовлен в 1807 г., когда Тимофей, главный герой событий 1807 г., встретился с насельниками «Вырьинской» обители. Перед каждой следующей встречей Тимофея и Венедикта по счастливому стечению обстоятельств «находятся» фрагменты новых посланий, обличающие предшественника Венедикта – «кривоверника» Кирика. Десятки клочков обнаруживались накануне каждой встречи, но как только спор Тимофея с Венедиктом прекратился, иссяк и источник новых находок. Это убеждает нас в том, что к действительным событиям имеет отношение только рассказ о событиях 1807 г., когда схватились в споре Тимофей с Венедиктом.

В том, что Тимофей – реальное, а не вымышленное лицо, убеждает нас вклеенный в рукопись листок с жалобным письмом некоей Матрены Никитовны к Тимофею Ивановичу – очевидно, главному участнику прений с Венедиктом. Видимо, за нехваткой бумаги письмо, когда-то сложенное и бережно хранившееся, было обрезано и исписано поверх цитатами из святоотеческих сочинений [22]. Письмо вклеено уже после рассказа о том, как «Правила Иппонского собора» были осуждены в 1812 г. Иваном Тихоновичем Золотаревым и Лаврентием Ивановичем Осиповым. Это заставляет предполагать, что именно Тимофей Иванович был составителем всего кодекса, который, несмотря на разновременность излагаемых в нем событий, следует рассматривать как цельное сочинение. Однако это письмо не позволяет нам понять, откуда были родом герои повествования.

Парадоксальным образом только позднейшие наслоения, не связанные, казалось бы, напрямую с описываемыми событиями, позволяют разыскать некоторые реалии, дающие возможность судить о месте создания сборника. На листах книги остались пометы, принадлежавшие трем людям из семьи Пыстиных: Марку, Ивану и Кириллу; последний оставил две записи, датированные 1826 г. Наиболее ранней, вероятно, следует считать запись Марка Пыстина, «спрятавшего» свой автограф среди узоров, которыми украшен приклеенный

к обороту верхней крышки переплета лист. В записях не указано место, где они сделаны; однако из других источников мы узнаем, что в конце XVIII – начале XIX в. Пыстины жили в Троице-Печерском районе Республики Коми. Известен автограф, оставленный Иваном Васильевичем Пыстиным, крестьянином Усть-Сысольского уезда, на одной из рукописей [23]. В 1827 г. право на торговлю в Троице-Печорске получил П.К. Пыстин [24]. Эти Пыстины жили в одном регионе, близ Троице-Печорска. В тех же краях, в Усть-Илыче, в 1799 г. проживали еще двое Пыстиных: Дмитрий Григорьевич и его племянник Кирилл Марков сын, упоминаемые в исследовании Ю.С. Белянкина, опубликованном в настоящем сборнике [25]. Дядя и племянник, как указывает Ю.С. Белянкин, проживали в селе Усть-Илыч Усть-Сысольского уезда, от которого до Троице-Печорска около 35-ти километров вниз по реке Печоре.

В какой-то момент, расставшись со своим оппонентом, Венедикт ушел на реку Колву, где был пойман и посажен в тюрьму, но затем бежал оттуда и вернулся к Тимофею. Мельком упомянутая река Колва указывает на регион между Камой и Печорой: от Усть-Илыча, где жили дядя с племянником, до верховий Колвы около 80-ти километров. Можно полагать, что Кирилл Марков сын Пыстин, подписывавший в 1799 г. за своего дядю книгу и, вероятно, бывший тогда достаточно молодым человеком, и Кирилл Пыстин, владевший «Правилами Иппонского собора» в 1826 г. – одно лицо; а Марк Пыстин, оставивший автограф в самом начале рукописи, – его отец. Были ли Пыстины всего лишь случайными владельцами редкой книги или они причастны к ее составлению, невозможно сказать достоверно; однако можно с уверенностью утверждать, что Усть-Сысольский уезд был именно тем регионом, в котором происходили события, относившиеся к 1807 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рыков Ю.Д. Незвестный старообрядческий писатель XIX в. Петр Юродивый и его эсхатологические сочинения // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999. С. 149–189.

2. Там же. С. 168–169.

3. Сведения о рукописи были любезно сообщены мне А.А. Юдиным. Сердечно благодарю А.Ю. Бородихина и А.А. Юдина за возможность ознакомиться с цифровой копией рукописи, находящейся в старообрядческой общине в Горной Шории (Кемеровская область). Копия рукописи хранится в Отделе рукописей ГПНТБ СО РАН под шифром Q IX (El). 1. Рукопись, представляющая собой сборник в 4° на 191 л., датируется концом XIX – началом XX в. Штемпели: 1) «Косинская фабрика Рязанцевых» – Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. Табл. II. № 175 (1887 г.); 2) «Зиминь Москва» – Клепиков С.А. Филигранные и штемпели. № 64 (1908 г.); 3) «Фабрики наследниковъ Сумкина» – Клепиков С.А. Филигранные и штемпели. № 201–202 (1869–1909 гг.). В рукопись в числе прочего входят «Правила Иппонского собора», л. 4 об.–15 об.

4. Бумага с водяным знаком Герб Ярославля 9-го типа по Клепикову и литерами ЯМГІЯ (?). См.: Клепиков С.А. Филигранные и штемпели. С. 20–23. Филигранные нескольких видов с белыми датами 1802–1804 гг.

5. БАН. Доброхот. 6. Оборот верхней крышки переплета: «Марку Пыстину»; Л. 64 – «1826 года апреля 12 дня писал Кирило Пыстин»; Л. 166 – «Иван Пыстин»; Л. 171 об.–172 – «Кирила Пыстина подписал 1826 года».

6. БАН. Доброхот. 6. Л. 6.

7. БАН. Доброхот. 6. Л. 57 об.

8. БАН. Доброхот. 6. Л. 91 об.–92.

9. БАН. Доброхот. 6. Л. 140.

10. БАН. Доброхот. 6. Л. 174.

11. *Белобородов С.А.* «И вскоре раскол здесь необычайно усилился» (К истории старообрядчества Красноуфимского уезда) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2 (4). 2012. С. 86–110.

12. *Сморгунова Е.М.* Старообрядческие семейные и родовые захоронения на Преображенском кладбище // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М., 1999. С. 355.

13. БАН. Доброхот. 6. Л. 174 об.–175.

14. БАН. Доброхот. 6. Л. 78.

15. *Чумичева О.В.* Дамиан Юрьегорский // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 704–706.

16. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем / сост. и изд. В.В. Зверинский. Ч. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб., 1892. С. 355, № 1228.

17. *Бодэ А.Б.* Троицкая церковь на Юрьевой горе // Деревянное зодчество. СПб., 2010.

18. *Пигин А.В.* О некоторых книгах из Троицкого Юрьегорского монастыря // Книжные центры Древней Руси: книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 327 (сноска 30).

19. Там же. С. 321–329.

20. Там же. С. 327.

21. *Старицын А.Н.* Староверческие поселения в окрестностях Диодоро-Юрьегорского монастыря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. История. 2014. Май, № 3. С. 18–23.

22. БАН. Доброхот. 6. Л. 181 об.: «Господи Исузе Христе Сыне Божий помилуй насъ. / <неразб.> я Матрона Никитовна Тимо<...>/ новичю нижаишии поклонъ от лица дос<...>/ ли со слезами и прошу прощение и бла<...>/ во вѣки **снарежаюся я Матрона** и <...>/ ты преже снарежалъся Тимофей на дал<...>/ сто а ты Тимофей Ивановичъ кумъ <...>/ обвѣщался со мной во вѣки **жити и** <...>/» (письмо обрезано по правому краю приблизительно на 2–3 см; конец письма утрачен).

23. *Балашов Д.М., Бегунов Ю.К.* Поездка за рукописями в Печорский район Коми АССР в 1960 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 424.

24. *Мацук М.А.* Торговля как реалья повседневной жизни населения южной части Коми края в первой половине XIX столетия // Повседневная жизнь Коми края. Вып. 1. Сыктывкар, 2006.

25. *Белянкин Ю.С.* Эсхатологическое сочинение «Бездна» из сборника с автографами пустозерских узников: проблемы изучения // Современные проблемы археографии. Вып. 2. С. 460.